

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 070

Е.Е. Замыслова

РОЛЬ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЖУРНАЛОВ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в. В СТАНОВЛЕНИИ ТРАДИЦИЙ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ В РОССИИ

Анализируется отечественная периодика первой трети XIX в. с точки зрения ее вовлеченности в дискуссию об историческом знании. Выявляется, как авторы разных по типу журналов использовали периодические издания в качестве трибуны для обсуждения важных для исторического цеха проблем. Доказывается, что они единогласно декларировали необходимость пересмотра взглядов на изучение и преподавание Всеобщей истории, вырабатывали новые правила ее изложения, конструктивно критиковали устаревшие учебные пособия.

Ключевые слова: «Вестник Европы»; Всеобщая история; «Журнал министерства народного просвещения»; «Московский вестник»; «Московский телеграф»; «Педагогический журнал»; «Телескоп».

Специфика изучения и преподавания Всеобщей истории¹ в первой трети XIX в. требует внимательно-го изучения, ведь осмысление всемирной истории в России неизбежно становилось частью более широкой дискуссии об определении места России в мире, пре-дваряющей полемику славянофилов (А.С. Хомяков, И.В. Киреевский и др.) и западников (В.Г. Белинский, А.И. Герцен и др.).

Тема «Журналистика и историческая наука» воз-никла еще в 1881 г. в трудах С.П. Весина [1]. Однако специальное внимание этой проблеме впервые было уделено лишь почти век спустя: в 1970-е гг. С.С. Дмитриев предложил проанализировать отече-ственную специальную периодику с точки зрения публикаций в ней исторических документов, пред-ставляя ее, таким образом, неотъемлемой составляю-щей развития отечественной историографии [2]. В выбранном им ключе изучение периодики продолжил В.Ю. Афиани [3]. В конце 1990-х гг. М.П. Мохначева начала плодотворно изучать периодику в контексте наукотворчества и историографической традиции, сконцентрировав внимание на периоде 1830–1870-х гг., времени, когда «закладывались основы отраслевой системы исторической периодики в Рос-сии» [4. С. 282], вследствие чего материалы до 1830-х гг. остались малоизученными. Несомненен вклад в разработку темы «Исторической журналистики» и санкт-петербургского исследователя С.Н. Ущипов-ского [5]. Но на журналах первой трети XIX в. он в своих работах подробно не останавливается.

Объектом данного исследования стала ранее оста-вавшаяся в тени журнальная периодика первой трети XIX в. с точки зрения ее вовлеченности в дискуссию об историческом знании и шире – в процесс формиро-вания национально-исторического сознания в России.

Для предметного анализа были привлечены ори-гинальные и переводные статьи, относящиеся к осмыслению Всеобщей истории, ее методологии и преподавания, помещенные в наиболее крупных жур-налах. Материалом для изучения также явились учеб-ники по Всеобщей истории для средней и высшей школы, увидевшие свет в России в 1820–1830-е гг. Кроме того, к исследованию были привлечены работы

немецких и французских историков конца XVIII – начала XIX в., которые активно пропагандировала отечественная периодика изучаемого периода и на которые частично ориентировались составители учебных пособий.

История в периодике. Причины появления исторической тематики на страницах неспециализированных журналов

Анализ периодики первой трети XIX в. позволяет констатировать усиление внимания журналов к исто-рической проблематике. За весь изучаемый период (с 1800 по 1836 г.) в рассмотренных нами 25 периоди-ческих изданиях увидели свет в общей сложности около 600 публикаций исторической тематики. Инте-ресно, что количество материалов на исторические темы в журналах со временем только увеличивалось. Характерен пример «Вестника Европы». Если за пер-вое десятилетие XIX в. в издании в целом было опу-бликовано около десяти таких материалов, то уже в 1810-е гг. – порядка двадцати, а за 1820-е – чуть ме-нее тридцати.

В первую очередь это объясняется тем, что в це-лом, начиная с 1810-х гг., и особенно в 1820-е гг., в российском обществе заметно возрастала и актуа-лизировалась роль исторического знания. История нача-ла восприниматься не как область отвлеченной науки, но как «наука нас самих», рассматривающая «челове-ка во всех отношениях». Так, например, трактовал историю П.П. Бекетов, занявший в 1811 г. пост пред-седателя Общества истории и древностей российских. Предвосхищая любомудров, он подчеркивал исто-риософскую сущность науки о прошлом, науки само-познания человечества: она «показует <...> все дей-ствия человеческие, ровно, как и причины, к тому побудившие» [6. С. 4]. Мысль о том, что историю нужно знать, чтобы «изучиться постижению челове-чества» [7. С. 445], звучит лейтмотивом во многих статьях на исторические темы в первой трети XIX в.

Щедрое наполнение научно-литературных журна-лов историческими публикациями объяснялось, ко-нечно, и тем, что среди издателей и редакторов 1800–

1830-х гг. было немало тех, чьи имена так или иначе связаны с развитием отечественной исторической науки. Это, прежде всего, Н.М. Карамзин, создавший и редактировавший «Вестник Европы» в 1802–1803 гг., и профессор Московского университета М.Т. Каченовский, взявший на себя редактуру «Вестника Европы» с 1805 по 1830 г. (с небольшим перерывом: в 1808–1810 гг. его замещал В.А. Жуковский). Это и Н.А. Полевой – он с 1825 по 1834 г. редактировал «Московский телеграф». Активно интересовавшийся историей, с 1829 г. Полевой начал издавать свою «Историю русского народа» (1829–1833). В значительной мере благодаря редакторскому труду М.П. Погодина, профессора истории Московского университета, автора «Исторических афоризмов» (1827–1836), выходил «Московский вестник» (1828–1830 гг.). Министр (с 1833 г.) С.С. Уваров, серьезное внимание уделявший изучению и преподаванию истории [8], сыграл ключевую роль в реорганизации «Журнала министерства народного просвещения» в 1834 г.

Периодика как эксклюзивный источник информации о достижениях западной историографии и полигон для выработки и систематизации современных правил изложения Всеобщей истории

Более половины из выявленных нами публикаций на исторические темы освещали вопросы Всеобщей истории. Указанная проблематика нашла свое место на страницах не только ведущих столичных журналов, но и провинциальных, например, «Казанского вестника», «Украинского вестника», «Украинского журнала». Последние, издаваемые при местных университетах, естественно не хотели отставать от тренда, как сказали бы сегодня. А Всеобщая история была именно «в тренде». Издания двух столиц, тяготеющие к энциклопедизму, особенно «Вестник Европы», «Московский вестник», «Московский телеграф», «Сын Отечества и Северный архив» и «Соревнователь», а позднее, в первой половине 1830-х гг., и «Библиотека для чтения», «Всеобщая библиотека полезных для юношества сведений», «Телескоп» выявляют большую наполняемость материалами по Всеобщей истории, чем университетские издания или издания при научных обществах, такие как «Записки и труды Общества истории и древностей российских», «Ученые записки, издаваемые Казанским императорским университетом», «Ученые записки Московского университета» и «Труды Общества любителей российской словесности при императорском Московском университете». Это объясняется тем, что в энциклопедических изданиях были широко представлены переводные, реферативные и компилятивные материалы из сочинений западных историков, перепечатывались статьи из зарубежных журналов. В то время как университетские издания и издания при научных обществах сосредоточили свое внимание на публикации отрывков из сочинений отечественных исследователей, которые, и это в общем естественно, в первую очередь освещали вопросы русской истории.

Именно периодика вводила в отечественный интеллектуальный оборот наследие западной историографии. Это было особенно важно, так как оригинальные сочинения европейских историков были мало доступны более-менее широкой аудитории, а полные их переводы появлялись в России обычно с опозданием на десятилетия. Поэтому переводные материалы, рефераты и обзоры в журналах представляли особую ценность. По словам В.Г. Белинского, в 1834 г. русская читающая публика, во многом благодаря усилиям периодики, за несколько десятилетий «перечувствовала, перемыслила и пережила всю умственную жизнь Европы» [9. С. 70]. Думается, это утверждение относится и к восприятию европейской исторической мысли в русском обществе. Периодические издания регулярно знакомили читателей с историческими идеями самых ярких представителей крупнейших в Европе исторических школ – немецкой (Аст, Геерен, Гердер, Луден, Мюллер, Нибур, Ранке, Шлецер) и французской (Барант, Гизо, Мишле, Тьерри). Публиковались биографические очерки о западных историках, выдержки из переписки именитых ученых. Подобные материалы, предоставляемые периодикой, были в условиях того времени эксклюзивными и могли стать подспорьем не только для учащихся, но и для преподавателей.

Ведь Всеобщую историю – научную дисциплину, возникшую в XVIII в. – в высших учебных заведениях России в начале XIX в. преподавали главным образом немцы, как правило, по устаревшим европейским учебникам. В гимназиях и училищах ситуация была еще плачевнее.

Отсталость отечественной интеллектуальной мысли казалась непреодолимой. В то время как в Европе чтения триумвирата историков в Сорбонне (Гизо, Тьерри, Минье) стали фактом общественной и политической жизни, для отечественного университетского лектора по истории большой заслугой считалось, если он изредка предлагал слушателям «собственные зрелые мысли о случаях и характерах» [10. С. 265]. Об этом писал Н.М. Карамзин в «Вестнике Европы» в 1803 г. Компиляции не были признаком профессиональной несостоятельности, скорее – нормой [11. С. 19–21]. В соответствии с университетским уставом профессорско-преподавательский состав исторических кафедр в то время основные усилия сосредоточил на подготовке компилятивных курсов, учебных пособий, не претендовавших на самостоятельность научных изысканий. Целый ряд исследователей констатировали критически низкий уровень преподавания Всеобщей истории в отечественных университетах, сохранявшийся на протяжении всей первой трети XIX века [12. С. 211 и др.].

В начале 1830-х гг. по собственным запискам курсы Всеобщей истории читали в Петербургском университете единицы. Например, профессор И.П. Шульгин (с 1833 г. – декан историко-филологического факультета, с 1834 – ректор Санкт-Петербургского университета). При этом он не скрывал, что опирался на геттингенских профессоров Геерена, Коха, Эйхгорна и сочинения профессора истории при Берлинской военной академии Ансильона [13. С. 317]. Много печат-

тавшийся (сначала в «Сыне Отечестве и Северном архиве», а затем в «Журнале министерства народного просвещения»), в 1832 г. Шульгин выпустил учебную книгу «Изображение характера и содержания истории трех последних веков» [14]. Сочинение Шульгина в целом было доброжелательно встречено критикой. Погодин писал в «Телескопе»: «Можно поздравить русских читателей, любителей истории, с появлением сей примечательной книжки; по одному языку, не говоря даже о прочих ее достоинствах, она должна занять не последнее место в нашей литературе». Критик отмечал достоинства способа и манеры изложения: события «обозрены здесь при всей краткости ясно и отчетливо», слог «точный, ровный и сильный» [15. С. 237]. Рецензент «Московского телеграфа» с радостью констатировал, что «автор глядит на историю, как должен глядеть на нее писатель XIX-ого столетия», отметил «глубокомысленность» выводов, а не «пустозвонность» определений, приведенных в учебнике [16. С. 549, 554].

Передовые представители ученого сословия, используя периодику в качестве трибуны, настойчиво требовали, чтобы пособия соответствовали духу времени: «Ныне, когда труды великих мужей возвели историю на высокую должную ей степень совершенства, которая была не известна красноречивым древним писателям, пособия истории, на коих создается она, великая часть здания народного просвещения, делаются важнее и затруднительнее, по совершенству, какого от них требует изыскательный суд учения», – настаивал Полевой в 1827 г. в собрании Общества любителей истории и древностей российских, размышляя о качестве исторических пособий в целом [17. С. 108]. Вместе с тем для обоснования претензий к учебной литературе нужно было выработать одобренный всеми эталон исторического повествования. Ведь как отметил в 1826 г. на страницах «Северного архива» один из ярчайших историков-теоретиков своего времени И.Д. Ертов, в научном сообществе еще царило «разномыслие о важнейшей для человечества науке» и очевидной стала необходимость согласовать «верные правила для сочинения Всеобщей истории» [18. С. 268].

Именно периодика взяла на себя труд и смелость выработать, вернее сказать, систематизировать эти правила, основываясь на опыте западной историко-философской мысли. В цикле статей, помещенных в 1827 г. в «Вестнике Европы», историком и философом романтического направления Н.И. Средним-Камашевым был впервые предложен «Взгляд на историю как науку» [19]. Этот цикл настолько значим, что П.Н. Милоков считал данную публикацию точкой отсчета нового периода в развитии русской исторической мысли [20. С. 321–324].

Вдохновителями Камашева стали представители немецкой исторической школы, историки-ориентеры для Любомудров – Гердер, Геерен и Аст [19. С. 251], которых пропагандировал и Погодин. Неудивительно, что редактор «Московского вестника» рекомендовал данную статью к прочтению своим подписчикам, хотя и обещал в скором времени опубликовать замечания на нее [21. С. 51]. По нашим наблюдениям,

прямая рекомендация материала из другого журнала – случай единичный в практике Погодина. Думается, в данном случае необходимость привлечь внимание аудитории к обсуждаемому вопросу оказалась для историка-Погодина важнее, чем риск переключить внимание аудитории со своего журнала на журнал-конкурент для Погодина-редактора.

Как и Погодин [22. С. 110], Камашев требовал глубинной систематизации исторических сведений: «При нынешней степени образованности, кажется, наукам нужны не столько сведения о событиях, сколько систематическое расположение оных». Главным критерием научности истории Средний-Камашев считал объективность, называя историю «честнейшим зеркалом». Задачей же научного познания провозглашалось выявление закономерностей исторического процесса: в зеркале истории должны отразиться судьбы, управляющие человеком [19. С. 241, 249–250]. Иными словами, историк был призван расшифровать философский смысл прошлого.

Именно философское начало обеспечивало истории научность в высшем понимании – заслуга развития этой идеи принадлежала шеллингианцам. Естественно, что и Полевой, также, как известно, прошедший через кружок русских шеллингианцев-любомудров, не мыслил историка как «простого регистратора фактов». «Московский телеграф» прикладывал максимум усилий, чтобы популяризировать установку на поиск философского смысла исторического развития: этот поиск виделся Полевому главной задачей современной исторической науки [23. С. 306–307 и др.].

Журналистика зафиксировала парадоксальную особенность развития отечественной исторической школы: только начав «догонять» западных коллег, ее представители одновременно уже мечтали и стремились «перегнать» их. Погодин в ту пору был, пожалуй, самым ярким апологетом ученого сословия в России, называл его «солью земли», «цветом общества», выражающим «разум всего народа». «Пора, пора нам свергнуть с себя чуждое иго, свергнуть, разумеется, с благодарностью и продолжать образование собственными своими трудами! Пора нам доказать этим гордым немцам, этим французам, англичанам, что мы сами уже умеем мыслить; что мы можем идти вперед без их руководства», – восклицал историк в речи «Об ученом сословии и историческом его значении», произнесенной в торжественном собрании Московского университета 5 июля 1833 г. и опубликованной, правда, с полугодовым опозданием, в «Ученых записках Московского университета» [24. С. 79, 87].

На страницах периодики Погодин активно призывал сочинителей «всякую ученую славу проверять собственным рассуждением». В одной из рецензий на выход очередного европейского исторического сочинения, помещенной в «Телескопе», он недоумевал, почему «русское сочинение берут в руки с какою-то недоверчивостью», а «французское, немецкое начинают читать с пристрастием»: «Как будто французы или немцы получили от Аполлона привилегию на талант и ученость, а русские, напротив, осуждены только на безусловное почтение своим прежним учи-

телям!» [25. С. 116]. М.А. Максимович на страницах того же «Телескопа» констатировал готовность отечественной науки выступить на равных с европейскими коллегами. «Европа должна быть для России предметом соревнования, а не подражания», мы «сами уже в силах рождать свои, живые мысли и мнения», – писал он [26. С. 172, 175].

Но если вплоть до начала 1830-х гг. выступления в периодике в защиту самобытности отечественной науки были единичными, то в возобновленном Уваровым в 1834 г. «Журнале министерства народного просвещения» желание показать ее интеллектуальную состоятельность, самостоятельность и самодостаточность стало основным лейтмотивом большинства публикаций. Их авторами были ученые нового типа, «русские по сердцу и европейцы по обширности своих познаний» [27. С. 29]. Таким ученым, используя административный ресурс, покровительствовал министр, уверенный в том, что «именно теперь Русское юношество более чем когда-либо нуждается в пособиях, которые приготовлены были бы для него русским просвещенным умом, русской добросовестностью, а не спекуляцией чужеземцев» [28. С. 437–438].

Критика учебников по Всеобщей истории на страницах периодики

Правда, приходится констатировать, что, судя по выходившим в свет новым сочинениям, рецензируемым периодикой, зависимость от западной исторической мысли по-прежнему оставалась непреодоленной. Это регулярно фиксировал, например, С.Н. Смарагдов, отвечавший за историческую тематику в «Педагогическом журнале»: все пять рецензий на книги по Всеобщей истории, опубликованные в журнале в 1833–1835 гг., подписаны его именем. Смарагдов преподавал историю и географию в Сиротском институте Императорского Гатчинского воспитательного дома и в Институте корпуса инженеров и сам готовил собственный учебник по истории Средневековья. Рецензируя уже упомянутый учебник Шульгина, он, в частности, обращал внимание на проблему, свойственную всем авторам пособий первой трети XIX в. Отечественные составители, «не имея еще всех истинных средств, потребных к обширным и вековым трудам по части Всеобщей истории, не будучи даже, без особенной помощи правительства, в состоянии приобрести их», вынуждены «следовать источниками средствами второстепенным, или второй руки, должны заимствовать у западных писателей вместе с материей и мысли» [29. С. 59–60]. Впрочем, Шульгин и не пытался скрыть частой вторичности своих суждений. Напротив, в «Предисловии» он открыто декларировал, что многие мысли заимствованы им «у писателей отечественных и иноземных, нередко взяты целые их собственные выражения». Частично компилятивный характер своего сочинения Шульгин объяснял тем, что не считал нужным «переговаривать по-своему то, что было уже сказано прежде <...> и лучше», но везде соблюдал законы цитирования, указывая на автора, которому «должен тою или другою мыслью, тем или другим выражением» [30. С. VIII].

К сожалению, результатом такого подражания стало неминуемое отставание от передовой исторической мысли. Так Шульгин, например, по мнению того же Смарагдова, выбрав Геерена, «ошибся в путеводителе», так как тот уже «отстает от века» [29. С. 60]. Специализацией Геерена было изучение развития торговых отношений и политики во всем мире. Причем такое направление исследований ставилось скорее в заслугу ученому как его современниками, так и более поздней историографией. В авторитетном энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона отмечалось, что Геерен «первый выяснил, насколько важно изучение торговых сношений древних народов для понимания их государственного строя и гражданского быта» [31. С. 235]. При этом ограничиваться при изложении Всеобщей истории исключительно данным аспектом, на котором построено основное историческое сочинение Геерена [32], представляется несколько ущербным. Но, к сожалению, именно подход Геерена был взят на вооружение отечественными университетами. В первой половине 1830-х гг. Всеобщая история в высших учебных заведениях России читалась, главным образом, по Геерену. Тогда же, в 1834 г., Погодин начал заниматься подготовкой к печати «Лекций по Геерену о политике, связи и торговле главных народов древнего мира» (М., 1835–1836. Ч. 1, 2). За что, кстати, получил отповедь Н.В. Гоголя, в то время преподающего историю в Петербургском университете и активно работающим над собственным учебником по Всеобщей истории (гоголевский труд так и не увидел свет, сохранилось только несколько набросков). В письме своему товарищу по историческим штудиям Погодину от 2 ноября 1834 г. Гоголь весьма резко, но вполне справедливо заметил, что Геерен «далее своего немецкого носа и своей торговли ничего не видит» и что политика является у него «мимо художеств, мимо наук, мимо людей, мимо жизни, мимо нравов, мимо отличий веков» и в итоге получается «черт знает, что такое» [33. С. 341].

«Незабвенным своим наставником» называл Геерена еще профессор императорского Царскосельского Лицея И.К. Кайданов, автор «Основания Всеобщей политической истории» (с 1821 г. выходило под названием «Руководство к познанию Всеобщей политической истории»), самого распространенного пособия в гимназиях, начиная с 1814 г. Учебник Кайданова был весьма достойным для своего времени пособием. Автор представлял «главные происшествия, такие, кои на все или на многие государства имели влияние», а затем «особо излагал происшествия, случившиеся в каждом государстве». Издание было снабжено «алфавитным списком упоминаемых главнейших происшествий, имен достопамятных людей, названий народов, государств, областей и пр. с показанием страниц и с приложением синхронической таблицы» [34. С. VIII–IX].

Но, поначалу благодарно встреченный периодикой, с каждым новым переизданием (а их было в общей сложности 16, и последнее вышло в 1854 г. (!)) учебник Кайданова неизбежно терял актуальность. Любопытно, что Н.Г. Федорова в статье ««Воспитание историей» по гимназическим учебникам в первой половине XIX ве-

ка» указывает на негативную критику учебника Кайданова в 1860-е гг. [35. С. 81–82]. Но, как показывает проведенный нами анализ, изъяны учебника были замечены критикой уже в конце 1820-х гг. Так, в частности, «Московский телеграф», высоко оценив еще одно пособие Кайданова – «Краткое начертание Всеобщей Истории», переизданное в третий раз в 1826 г. (первое издание – 1821) и переведенное на польский язык, все же упрекал автора в отсутствии единства, последовательности в изложении: «каждый народ начинается у Г. Кайданова отдельно; каждый народ выдумывает себе, Бог знает почему, веру, законы, обычаи». Такой подход не соответствовал последним европейским работам в области Всеобщей истории, согласно которым необходимо было аналитически «рассматривать и излагать постепенно географическую и политическую картину всего света», выстраивая причинно-следственную связь: «...почему именно такое-то происшествие случилось именно в такое-то время, такой-то народ поступал так, а не иначе, шел туда, а не сюда» [36. С. 250–251].

Для Погодина, который, в свою очередь, сетовал, что на русском языке почти вовсе нет учебных книг исторических, так же было очевидно, что в основном учебнике Кайданова – «Руководстве к познанию Всеобщей политической истории» – не отображен сам «закон и принцип Всеобщей истории». При этом практически разгромная рецензия устаревшего с точки зрения критика учебника («Во всем сочинении его царствует хаос, в коем перемешано существенное со случайным, важное с неважным, хорошее с дурным»; «Происшествия начислены, как слагаемые, без итогов»; «Важные происшествия завалены хламом ненужных подробностей»; «Народы не обозначены резкими чертами, и мы не видим явственно, чем в политическом отношении одно государство отличалось от другого»; «Автор судит везде о людях и происшествиях по теперешним понятиям, вовсе не вникая в дух времени») завершалась неожиданно позитивным выводом. Погодин утверждал, что «при жалком недостатке нашем в учебных пособиях книга Кайданова не только не излишня, но и полезна» [37. С. 55, 59–60, 70].

Рецензенты «Педагогического журнала» и «Телескопа» занимали более жесткую позицию относительно некомпетентности авторов учебников. Смарагдов не готов был, как Погодин, прощать авторам множественные недостатки на фоне общего дефицита учебных пособий. Рецензируя, например, в «Педагогическом журнале», в разделе «Литература педагоги» учебник по древней истории Александра Ветошникова [38], он подверг сокрушительной критике некомпетентность автора. По мнению Смарагдова, тот не имел представления о современном определении истории, а соответственно, и о подходах к ее изучению и изложению (деление на эпохи и периоды), о всестороннем описании социально-политической жизни народа, не знаком с сочинениями современных авторов, «плодит» анахронизмы и поверхностные суждения. Он настаивал на том, что, прежде чем взяться за составление пособия по истории, автор обязан ознакомиться с современными европейскими источниками «по сему предмету», ибо «невозможно

допустить, чтобы каждый, кто едва только ознакомился с историей, мог пользоваться правом сочинителя» [39. С. 63]. Степень ответственности автора учебного пособия, естественно, возрастала в разы, так как информация, изложенная в нем, воспринималась юными умами как непоколебимая истина. Ошибки в учебниках «весьма опасны, потому что читаются людьми, еще не способными предохранять себя от оных», – предостерегал в «Телескопе» В.П. Андросов [40. С. 532–533], рецензируя вышедшее в 1831 г. «Сокращение Всеобщей истории» Александра Преображенского, подготовленное для воспитанниц Московского училища ордена Св. Екатерины [41].

Периодика высказывала авторам учебников по Всеобщей истории, по сути, одни и те же претензии в неумении выстраивать повествование, в отсутствии представлений о системе и причинно-следственных связях во Всеобщей истории, что провоцировало хаотичное изложение, перегруженное массой несущественных фактов. «Конечно, и «больной Папа» и «чепец Г-жи Пуль-Мулье», который некий француз Бриз-Ту в ссоре сбил с ее головы, – суть исторические факты. Но не стоит засорять голову учащимся информацией о том, что Бриз-Ту «позван в суд и оправдан, представив свидетелей, что соседка обыкновенно носит чепец набекрень?», – иронически замечал в «Телескопе» Ю.И. Венелин в отзыве на «Краткую Всеобщую историю от потопы до наших времен, изложенную по новому плану Н. Кировым» [42]. Рецензент указывал на то, как важно при составлении пособия уметь изобилить исторического материала, этого «магазина фактов, расположенных по столетиям», выбирать самые существенные [43. С. 318, 322].

Рецензируя учебник того же Кирова, Смарагдов заострил внимание на еще одной проблеме, свойственной многим пособиям, – отсутствии ориентированности на целевую аудиторию: «...не годится ни для детей, ни для юношей, ни для ученых». Если данное пособие написано для начинающих, рассуждал рецензент, то зачем в предисловии цитировать на немецком гердеровское определение истории: «...дети еще не в состоянии понимать идей Гердера и других заморских ученых» [44. С. 202, 208]. Действительно, в введении Киров привел несколько цитат на немецком (из работ Шлецера и Гердера) и на латыни из сочинения Цицерона [45. С. IX–XI]. И даже при том, что цитаты из произведений немецких историков даны с переводом, ход рассуждений Кирова с опорой на мысли западных мыслителей, в частности, о соотношении статистики, истории и географии, все равно остается неудобоваримым, особенно для неподготовленного читателя.

Смарагдов использовал в отношении пособия Кирова слово «скомкано», что представляется вполне уместным. Например, философическую историю автор учебника определяет как «произведение мыслителей новейших времен», никак не расшифровывая суть новых подходов к изучению истории. Далее в скобках автор кратко указывает имена немецких историков-просветителей Изелина, Гердера, Канта, Грубера и др. без каких-либо пояснений [42. С. X].

Реакция авторов учебных пособий на критику в периодике и усовершенствование учебников с учетом озвученный в журналах замечаний

И Кайданов, и Преображенский, и Киров, по справедливым замечаниям рецензентов, давали «обетшное» определение истории, используя устаревшую формулировку – «изложение достопамятных происшествий» [40. С. 534–535], из которого нельзя получить понятия «ни о содержании, ни о форме истории» [37. С. 49–51].

Вместе с тем подвергшийся наибольшей критике профессор Кайданов старался усовершенствоваться: в 1834 г. он переиздал свое «Руководство к познанию Всеобщей политической истории», представляя в новом труде «результаты успехов, сделанных наукой в продолжении последних 15 лет» («Учебная книга Всеобщей истории для юношества», 1834 – пять переизданий). Но, как с сожалением констатировал Белинский в газете «Молва», при всем своем усердии Кайданов с 1817 по 1835 г. повторяет «старые, истертые вещи»: «История есть описание великой, долговременной жизни рода человеческого. Посему предметом ее суть деяния и судьбы людей». Так Кайданов определял историю в 1835 г. (сверено по переизданию 1839 г. – прим. автора [45. С. I]), по сути повторяя определения 1817, 1824 и 1832 гг. – «повествование о достопамятных явлениях в мире». В той же статье Белинский предложил свое, тяготеющее к геереновскому, определение Всеобщей истории как «науки, показывающей, каким образом и вследствие каких причин жизнь человечества, развивавшаяся под формою политических обществ, явилась в том виде, в каком теперь находится». «Это определение не ново, но благо уже готово», – замечал автор статьи, резонно заключая, что «в наше время можно иметь на историю взгляд еще высший; но иметь на нее взгляд низший значит совершенно не понимать ее» [46. С. 310–312].

Наиболее корректное определение Всеобщей истории появилось в учебнике Шульгина в 1832 г., на что тут же обратила внимание периодика. В рецензии на «Изображение характера и содержания истории трех последних столетий» автор из «Московского телеграфа» не без удовольствия процитировал новое определение: «История есть та, которая изображает великие перевероты в их взаимной связи <...> и доказывает, что великие события мира не были делом слепого случая, и что всякое из них в судьбе человеческого рода имело свою цель, волею премудрою и всемогущею определенную» и верно заключил, что «такого понятия о Всеобщей истории еще не было изложено у нас, на Русской земле» [16. С. 550].

Интересно, что многие авторы учебной литературы с вниманием относились к замечаниям критики и по возможности исправляли неточности, восполняли пробелы при переиздании учебников. Так, например, Смарагдов заметил, что в первом издании Шульгин «совершенно забыл о влиянии монархической власти, когда же ему это напомнили в “Московском телеграфе”, то и утверждение монархической власти получило место, в числе семи главных событий» [29. С. 75].

Ознакомление с учебным пособием Шульгина выявляет, что в первом издании автор обозначил всего шесть ключевых событий XIV–XV вв., «придавших Новой истории сей характер»: 1. Изобретение компаса. 2. Изобретение пороха. 3. Изобретение книгопечатания. 4. Взятие турками Константинополя. 5. Открытие Америки. 6. Открытие морского пути в Индию [14. С. 13–22]. После выхода рецензии в «Московском телеграфе» в переизданном пособии Шульгина, действительно, появился 7-й пункт – «Утверждение монархической власти в Европе в течении XV века» [30. С. 16–17]. Правда, ни в предисловии, ни в сноске автор не счёл нужным указать на заслугу журнальной критики в появлении столь существенно-го дополнения.

Как показало подробное рассмотрение статьи из «Московского телеграфа», рецензент предлагал Шульгину расширить список ключевых исторических событий не только за счет пункта о введении монархии, но и обозначить еще несколько значимых свершений, повлиявших на дальнейший ход Всеобщей истории. «Неужели менее важны были: Реформация и ограничение власти пап; <...> явление в мир Петра Великого и сближение России с Европой; изобретение газет и, следственно, выражение общественного мнения; освобождение Северной Америки; изобретение паровых машин и проч. и проч.?» – задавался вопросом автор «Московского телеграфа» [16. С. 551]. Судя по тому, как хорошо рецензент владел материалом, осмелимся предположить, что ее автором был Николай Полевой, выпустивший к этому времени уже пять томов своей «Истории русского народа», в которой история России рассматривалась по системе французских ученых, в частности Гизо и Мишле. Но перечисленные дополнения были проигнорированы Шульгиным. Скорее всего, это был обдуманный шаг. Автор учебника предпочел умолчать об остальных пунктах, так как последствия большинства из этих событий повлекли за собой революционные изменения в государственном и общественном устройстве разных стран. А подобные изменения совсем не встраивались в доминирующую в то время в России консервативно-охранительную концепцию развития общества по Уварову. Переживший идеологическую эволюцию интеллигент-чиновник, прошедший путь от умеренного либерала до убежденного консерватора-охранителя, пытался дозировать неизбежную рецепцию европейского просвещения ради сохранения установленного в России «порядка вещей», опираясь на три основополагающих принципа: «Православие – Самодержавие – Народность».

В целом анализ периодики первой трети XIX в. показывает, что на страницах таких разных по типу, направлению и составу журналов, как тяготеющие к энциклопедизму «Вестник Европы», «Московский вестник», «Московский телеграф», официальный «Журнал министерства народного просвещения», специализированный «Педагогический журнал», литературно-общественный «Телескоп», со второй половины 1820-х гг. единогласно декларировалась назревшая необходимость пересмотра взглядов на изучение и преподавание Всеобщей истории, приве-

дения самого понятия «Всеобщая история» в соответствии с мировыми стандартами, выработки четких правил для сочинения и изложения истории.

Традиционно историки русской журналистики рассматривают конфронтацию между «Московским телеграфом» Полевого, «Вестником Европы» Каченовского и журналами любомудров «Московским вестником» и «Московским наблюдателем» по вопросам эстетики, литературы и искусства [47. С. 211–214; 48. С. 109 и др.]. При сравнении же декларируемых этими изданиями историографических позиций становится понятно, что разногласий в сфере представлений о методах изучения и изложения истории между ними было не так много.

Периодика единогласно утверждала, что исходной точкой всех исторических рассуждений должна стать идея исторической закономерности, а главной задачей историка – отыскивание связей между событиями в истории, выявление этого закона и его модификации в условиях разных эпох и внешних обстоятельств. Со второй половины 1820-х гг. эти установки проходили лейтмотивом через большинство публикаций в периодике на исторические темы.

При этом очевидно, что исторические взгляды издателей и авторов журналов оказались намного более передовыми, чем представления о Всеобщей истории авторов учебных пособий. Критические рецензии в периодике выявляли несостоятельность устаревших руководств И.К. Кайданова и некомпетентность нового поколения сочинителей (Н. Кирова, А. Преображенского, А. Ветошникова). Последние часто не были знакомы с трудами современных западных авторов и, как результат, плодили анахронизмы и поверхностные суждения.

Авторы и издатели журналов, часто сами вовлеченные в исторические штудии, такие как Каченов-

ский, Погодин, Полевой, Смарагдов, активно включились в обсуждение недостатков учебных пособий. Среди наиболее часто высказываемых претензий было: 1. Отсутствие представления о причинно-следственных связях во Всеобщей истории. 2. Неумение выстраивать изложение (деление на эпохи и периоды и т.д.). 3. Перегрузка повествования массой несущественных фактов. 4. Неумение ориентироваться на целевую аудиторию.

Как показывает наше исследование, именно благодаря журналам второй половины 1820-х гг. – первой половины 1830-х гг., самым разным по типу, актуальные вопросы исторической науки оказались предметом обсуждения среди довольно широкой аудитории. А спровоцированная дискуссия, естественно, стала толчком для их дальнейшей разработки. Немаловажно также, что авторы пособий, рецензируемых периодикой, учитывали высказанные в их адрес замечания и исправляли ошибки в последующих переизданиях (Кайданов, Шульгин).

Ю.И. Венелин, М.А. Максимович, М.П. Погодин, Н.А. Полевой, С.Н. Смарагдов были не просто рецензентами, сторонними наблюдателями, но и практикующими преподавателями истории, исследователями, авторами исторических трудов. Они использовали самый широкий спектр периодических изданий в качестве трибуны для обсуждения важных для исторического цеха проблем. Именно благодаря тому, что в разных по типу изданиях оказались авторы подобной формации, мы можем констатировать, что периодика способствовала зарождению и усовершенствованию отечественной школы изучения и преподавания Всеобщей истории и шире – сыграла важную роль в становлении и развитии исторического знания и, соответственно, в процессе формирования национально-исторического сознания в России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В XX в. за данной дисциплиной / разделом исторической науки закрепилось название «всемирная история», но для первой трети XIX в. наиболее характерно определение ее / его как «Всеобщая». Причем в подавляющем большинстве журнальных публикаций изучаемого периода, привлеченных к исследованию, как и в учебной литературе первой трети XIX в., использовалась форма данного слова с заглавной буквы. Это обуславливает написание «Всеобщая» с прописной буквы и в данной статье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Весин С.П. Очерки истории русской журналистики двадцатых и тридцатых годов. СПб., 1881.
2. Дмитриев С.С. Проблемы источниковедения русской исторической периодики. М., 1972.
3. Афиани В.Ю. Публикации исторических документов в отечественных журналах первой трети XIX в. : дис. ... канд. ист. наук. М., 1982.
4. Мохначева М.П. Журналистика и историческая наука. Кн. 1: Журналистика в контексте науковтвочества в России XVIII–XIX вв. М., 1998.
5. Ущиповский С.Н. Российская историческая журналистика. СПб., 2012.
6. Бекетов П. Речь, читанная при открытии первого заседания вновь образованного Общества истории и древностей российских. М., 1811.
7. Степанов Г. Об истории вообще, предмете, цели и практическом изложении оной // Сын Отечества и Северный архив. 1834. № 42. С. 438–454.
8. Уваров С.С. О преподавании истории относительно к народному воспитанию. СПб., 1813.
9. Белинский В.Г. Литературные мечтания // Полное собрание сочинений. М., 1953. Т. 1.
10. [Карамзин Н.М.] О публичном преподавании наук в Московском университете // Вестник Европы. 1803. № 23. С. 261–268.
11. Андреев А.Ю. «Идея университета» в России (XVIII – начало XX в.) // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX в. : сб. ст. М., 2009.
12. Козлов В.П. Статус истории в России в конце XVIII – первой четверти XIX в. // Всемирная история и Восток : сб. ст. М., 1989. С. 203–222.
13. [Без подписи]. О публичных курсах в университетах на 1834–1835 академический год // Журнал министерства народного просвещения. 1835. № 2. С. 317–318.
14. Шульгин И. Изображение характера и содержания истории трех последних столетий. СПб., 1832.
15. Погодин М. Изображение характера и содержание истории трех последних столетий. [Соч.] Ивана Шульгина. СПб., 1831 // Телескоп. 1832. № 10. С. 237–252.
16. [Без подписи]. Изображение характера и содержания истории трех последних столетий. Соч. Шульгина. СПб., 1832 // Московский телеграф. 1832. № 8. С. 549–554.

17. Полевой. Благодарственная речь // Записки и труды Общества истории и древностей российских. 1827. Ч. 3, кн. 2. С. 107–109.
18. Ертов И. О существе Всеобщей истории и критики // Северный архив. 1826. № 7. С. 268–283.
19. Средний-Камашев [Н.И.]. Взгляд на Историю как на науку // Вестник Европы. 1827. № 4. С. 241–256; № 18. С. 193–217; № 21. С. 3–19; № 22. С. 81–101.
20. Милоков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. М., 2006.
21. М.П. [Погодин М.П.] Руководство к познанию Всеобщей политической истории. Соч. Кайданова // Московский вестник. 1827. № 21. С. 49–71.
22. М.П. [Погодин М.П.] Исторические афоризмы и вопросы // Московский вестник. 1827. № 2. С. 109–116; № 23. С. 303–309.
23. [Полевой Н.А.] История Российско-Австрийской кампании 1799 г. Под предводительством генералиссимуса, князя Итальянского, графа А.В. Суворова-Рымникого, изданная Е. Фуксом. СПб., 1825 // Московский телеграф. 1826. № 12. С. 305–311.
24. Погодин [М.П.] Об ученом сословии и историческом его значении // Ученые записки Московского университета. 1834. № 1. С. 56–91.
25. М.П. [Погодин М.П.] История Пруссии до Фридриха Великого. Соч. Камилла Паганеля. Пер. с фр. СПб., 1831 // Телескоп. 1831. № 21. С. 109–117.
26. Максимович М.А. О русском просвещении. Речь, говоренная в собрании Московского университета 1832 января 12 // Телескоп. 1832. № 2. С. 169–190.
27. Фишер А. О ходе образования в России и об участии, какое должна принимать в нем философия. Речь, произнесенная в торжественном собрании С.-Петербургского университета 20 сентября 1834 г. (пер. с фр.) // Журнал министерства народного просвещения. 1835. № 1. С. 28–68.
28. Краевский А. Об исторических таблицах В.А. Жуковского // Журнал министерства народного просвещения. 1836. № 6. С. 409–438.
29. Смарагдов [С.Н.] Изображение характера и содержания истории трех последних веков. Издание второе, исправленное и дополненное. [Соч. Шульгина.] СПб., 1833 // Педагогический журнал. 1833. № 9. С. 58–77.
30. Шульгин И. Изображение характера и содержания истории трех последних столетий. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1832.
31. Брокгауз Ф.А. Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1892. Т. 15.
32. Heeren. Ideenüber die Politik, den Verkehrrundden Handeldervornehmsten Volkerderalten Welt. Gottingen, 1803.
33. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. : в 14 т. М., 1952. Т. 10.
34. Кайданов И.К. Руководство к познанию Всеобщей политической истории. СПб., 1823. Ч. 1.
35. Федорова Н.Г. «Воспитание историей» по гимназическим учебникам в первой половине XIX века // Историческая культура императорской России. Формирование представлений о прошлом. М., 2012. С. 74–91.
36. [Без подписи]. Historya powszechna krotko zebrana przez Iana Kaydanowa. Вильна. 1826 // Московский телеграф. 1826. № 14. С. 246–254.
37. М.П. [Погодин М.П.] Руководство к познанию Всеобщей политической истории. Соч. Кайданова. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 1826 и 1827 // Московский вестник. 1827. № 21. С. 49–71.
38. Ветошников А. История древних азиатских и африканских царств. СПб., 1833.
39. Смарагдов [С.Н.] История древних азиатских и африканских царств, составленная Александром Ветошниковым. СПб., 1833 // Педагогический журнал. 1833. № 5. С. 63–91.
40. В.П. [Андросов В.П.] Сокращение Всеобщей истории, изданное для воспитанников Московского училища ордена Св. Екатерины. [Соч.] А. Преображенского. М., 1831 // Телескоп. 1831. № 8. С. 532–539.
41. Преображенский А. Сокращение Всеобщей истории, изданной для воспитанниц московского училища ордена св. Екатерины. Ч. 1. М., 1831.
42. Киров Н. Краткая Всеобщая история от потопы до наших времен, изложенная по новому плану. М., 1834.
43. Венелин Ю. Краткая Всеобщая история от потопы до наших времен, изложенная по новому плану Н. Кировым. Ч. I. М., 1834 // Телескоп. 1834. № 21. С. 316–322.
44. Смарагдов [С.Н.] Краткая Всеобщая история от потопы до наших времен, изложенная по новому плану. [Соч.] Н. Кирова. М., 1834 // Педагогический журнал. 1834. № 7. С. 200–210.
45. Кайданов И. Учебная книга Всеобщей истории для юношества. СПб., 1839.
46. - онъ – инский [Белинский В.Г.] Учебная книга Всеобщей истории. СПб., 1834 // Молва. 1835. № 19. С. 310–316.
47. Есин Б.И. История русской журналистики XVIII–XIX веков. М., 2013.
48. Рудницкая Е.Л. Поиск пути. Русская мысль после 14 декабря 1825 года. М., 1999.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 3 мая 2019 г.

The Role of National Magazines of the First Third of the 19th Century in the Formation of Traditions of Universal History Studying and Teaching in Russia

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 446, 5–14.

DOI: 10.17223/15617793/446/1

Elizaveta E. Zamyslova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: elyzavetazamyslova@yandex.ru

Keywords: *Vestnik Evropy*; universal history; *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*; *Moskovskiy vestnik*; *Moskovskiy telegraf*; *Pedagogicheskiy zhurnal*; *Teloskop*.

Periodicals of the first third of the 19th century are analyzed in terms of their involvement in the discussion of historical knowledge in this article. The study examined 25 periodicals in which 600 publications on the topic of history were found. The analysis shows that such magazines as *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, *Moskovskiy vestnik*, *Moskovskiy telegraf*, *Pedagogicheskiy zhurnal* and *Teloskop* argued that a revision of views on the study and teaching of universal history was overdue in order to bring the very concept of universal history in accordance with world standards. In the course of this research, the author managed to determine how new rules of historical science were developed and systematized taking into account Western historical philosophical thought in the magazines. The authors and publishers of these magazines, who were often involved in historical studies, such as M.T. Kachenovsky, M.P. Pogodin, N.A. Polevoy, S.N. Smaragdor, actively joined the discussion of the flaws of universal history textbooks. Among the most frequent complaints were: (1) they lacked knowledge about the cause-effect relationships in universal history; (2) they lacked the ability to build an argument; (3) the narrative was overloaded with a lot of irrelevant facts; (4) they were unable to focus on their target audience. Critical textbook reviews in periodicals revealed the failure of the outdated textbooks by authors such as I.K. Kaidanov and the incompetence of the new generation of writers (N. Kirov, A. Preobrazhensky, A. Vetoshnikov). The latter often did not know the works of contemporary Western authors, and, as a result, they produced anachronistic and superficial judgments. As this study shows, the contemporary issues of historical science became a subject of discussion among a broad audience due to the diverse magazines of the second half of the 1820s – the first half of the 1830s. The discussion

became an impetus for these issues' further development. It is also important that the authors of the textbooks reviewed by the periodicals took the criticism into account and corrected the flaws in subsequent editions (Kaidanov and Shulgin). The author focuses on the fact that Yu.I. Venelin, M.A. Maksimovich, M.P. Pogodin, N.A. Polevoy and S.N. Smaragdov were not just reviewers and observers, but also practicing history teachers, researchers, authors of works on history. They used the periodicals as a platform for discussing important historical problems. Due to the fact that such persons published their opinions in different types of magazines, it can be stated that the periodicals contributed to the genesis and evolution of the studying and teaching of universal history in Russia.

REFERENCES

1. Vesin, S.P. (1881) *Ocherki istorii russkoy zhurnalistiki dvadtsatykh i tridtsatykh godov* [Essays on the History of Russian Journalism of the 1820s–1830s]. St. Petersburg: Tipo-litografiya A.E. Landau.
2. Dmitriev, S.S. (1972) *Problemy istochnikovedeniya russkoy istoricheskoy periodiki* [Issues of Source Studies of Russian Historical Periodicals]. Moscow: [s.n.].
3. Afiani, V.Yu. (1982) *Publikatsii istoricheskikh dokumentov v otechestvennykh zhurnalakh pervoy treti XIX v.* [Publications of Historical Documents in Domestic Magazines of the First Third of the 19th Century]. History Cand. Diss. Moscow.
4. Mokhnacheva, M.P. (1998) *Zhurnalistika i istoricheskaya nauka* [Journalism and Historical Science]. Vol. 1. Moscow: Russian State University for the Humanities.
5. Ushchipovskiy, S.N. (2012) *Rossiyskaya istoricheskaya zhurnalistika* [Russian Historical Journalism]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
6. Beketov, P. (1811) *Rech', chitannaya pri otkrytii pervogo zasedaniya vnov' obrazovannogo Obshchestva istorii i drevnostey rossiyskikh* [Speech Delivered at the Opening of the First Meeting of the Newly Formed Society of Russian History and Antiquities]. Moscow: Tipografiya Beketova.
7. Stepanov, G. (1834) *Ob istorii vooobshche, predmete, tseli i prakticheskom izlozhenii onoy* [On History in General, its Subject, Purpose and Practical Presentment]. *Syn Otechestva i Severnyy Arkhiv*. 42. pp. 438–454.
8. Uvarov, S.S. (1813) *O prepodavanii istorii otноситel'no k narodnomu vospitaniyu* [On Teaching History in Relation to Popular Education]. St. Petersburg: Tipografiya F. Drekslera.
9. Belinskiy, V.G. (1953) *Literaturnye mechtaniya* [Literary Dreams]. In: Bel'chikov, N.F. et al. (eds) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 1. Moscow: USSR AS.
10. Karamzin, N.M. (1803) *O publichnom prepodavanii nauk v Moskovskom universitete* [On Public Teaching of Sciences at the Moscow University]. *Vestnik Evropy*. 23. pp. 261–268.
11. Andreev, A.Yu. (2009) "Ideya universiteta" v Rossii (XVIII – nachalo XX v.) ["The Idea of the University" in Russia (18th – Early 20th Centuries)]. In: Doronin, A.V. (ed.) *"Byt' russkim po dukhu i evropeytsem po obrazovaniyu": universitety Rossiyskoy imperii v obrazovatel'nom prostranstve Tsentral'noy i Vostochnoy Evropy XVIII – nachala XX v.* ["To be Russian by Spirit and European by Education": Universities of the Russian Empire in the Educational System of Central and Eastern Europe of the 18th – Early 20th Centuries]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
12. Kozlov, V.P. (1989) *Status istorii v kontse XVIII – pervoy chetverti XIX v.* [Status of History in Russia in the End of the 18th – First Quarter of the 19th Centuries]. In: Piotrovskiy, B.B. (ed.) *Vsemirnaya istoriya i Vostok* [World History and the East]. Moscow: Nauka. pp. 203–222.
13. Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya. (1835) *O publichnykh kursakh v universitetakh na 1834–1835 akademicheskiy god* [On Public Courses at Universities for the Academic Year 1834–1835]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1835. 2. pp. 317–318.
14. Shul'gin, I. (1832) *Izobrazhenie kharaktera i soderzhaniya istorii trekh poslednykh stoletiy* [Image of the Nature and Content of the History of the Last Three Centuries]. St. Petersburg: Tipografiya N. Grecha.
15. Pogodin, M. (1832) *Izobrazhenie kharaktera i soderzhanie istorii trekh poslednykh stoletiy*. [Soch.]. Ivana Shul'gina. SPb, 1831 [Image of the Nature and Content of the History of the Last Three Centuries. A Work by Ivan Shul'gin. St. Petersburg, 1831]. *Teleskop*. 10. pp. 237–252.
16. Moskovskiy telegraf. (1832) *Izobrazhenie kharaktera i soderzhaniya istorii trekh poslednykh stoletiy*. Soch. Shul'gina. St. Petersburg, 1832 [Image of the Nature and Content of the History of the Last Three Centuries. A Work by Ivan Shul'gin. St. Petersburg, 1832]. *Moskovskiy telegraf*. 8. pp. 549–554.
17. Polevoy, (1827) *Blagodarstvennaya rech'* [A Speech of Gratitude]. *Zapiski i trudy Obshchestva istorii i drevnostey rossiyskikh*. 3 (2). pp. 107–109.
18. Ertov, I. (1826) *O sushchestve Vseobshchey istorii i kritiki* [On the Essence of World History and Criticism]. *Severnyy Arkhiv*. 7. pp. 268–283.
19. Sredniy-Kamashev, N.I. (1827) *Vzglyad na Istoriyu kak na nauku* [A View on History as a Science]. *Vestnik Evropy*. 4. pp. 241–256; 18. pp. 193–217; 21. pp. 3–19; 22. pp. 81–101.
20. Milyukov, P.N. (2006) *Glavnye techeniya russkoy istoricheskoy mysli* [The Main Trends of Russian Historical Thought]. Moscow: Gos. publ. ist. b-ka Rossii.
21. Pogodin, M.P. (1827) *Rukovodstvo k poznaniyu Vseobshchey politicheskoy istorii*. Soch. Kaydanova [A Guide to the Learning of General Political History. A Work by Kaydanov]. *Moskovskiy vestnik*. 21. pp. 49–71.
22. Pogodin, M.P. (1827) *Istoricheskie aforizmy i voprosy* [Historical Aphorisms and Questions]. *Moskovskiy vestnik*. 2. pp. 109–116; 23. pp. 303–309.
23. Polevoy, N.A. (1826) *Istoriya Rossiysko-Avstriyskoy kampanii 1799 g. Pod predvoditel'stvom generalissimusa, knyazyza Italiyskogo, grafa A.V. Suvorova-Rymnikskogo, izdannaya E. Fuksom*. SPb, 1825 [History of the Russian-Austrian Campaign of 1799, Led by the Generalissimo, Prince of Italy, Count A.V. Suvorov-Rymniksky, Published by E. Fuks. St. Petersburg, 1825]. *Moskovskiy telegraf*. 12. pp. 305–311.
24. Pogodin, M.P. (1834) *Ob uchenom soslovii i istoricheskom ego znachenii* [On the Academic Estate and Its Historical Significance]. *Uchenye zapiski Moskovskogo universiteta*. 1. pp. 56–91.
25. Pogodin M.P. (1831) *Istoriya Prussii do Fridrikha Velikogo*. Soch. Kamilla Paganelya. Per. s fr. SPb, 1831 [The History of Prussia before Frederick the Great. A Work by Camille Paganel. Translated from French. St. Petersburg, 1831]. *Teleskop*. 21. pp. 109–117.
26. Maksimovich, M.A. (1832) *O russkom prosveshchenii. Rech', govorenaya v sobranii Moskovskogo universiteta 1832 yanvarya 12* [On Russian Enlightenment. A Speech Delivered at the Assembly of the University of Moscow on January 12, 1832]. *Teleskop*. 2. pp. 169–190.
27. Fisher, A. (1835) *O khode obrazovaniya v Rossii i ob uchastii, kakoe dolzhna prinimat' v nem filosofiya. Rech', proiznesennaya v torzhestvennom sobranii S.-Peterburgskogo universiteta 20 sentyabrya 1834 g.* [On the Course of Education in Russia and Participation, which Philosophy Should Take in It. A Speech Delivered at the Ceremonial Assembly of St. Petersburg University on September 20, 1834]. Translated from French. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1. pp. 28–68.
28. Kraevskiy, A. (1836) *Ob istoricheskikh tablitsakh V.A. Zhukovskogo* [On the Historical Tables of V.A. Zhukovsky]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 6. pp. 409–438.
29. Smaragdov, S.N. (1833) *Izobrazhenie kharaktera i soderzhaniya istorii trekh poslednykh vekov*. Izdanie vtoroe, ispravlennoe i dopolnennoe. [Soch. Shul'gina.]. SPb, 1833 [Image of the Nature and Content of the History of the Last Three Centuries. The Second Edition, Revised and Enlarged. [A Work by Shul'gin]. St. Petersburg, 1833]. *Pedagogicheskiy zhurnal*. 9. pp. 58–77.

30. Shul'gin, I. (1832) *Izobrazhenie kharaktera i sodержaniya istorii trekh poslednikh stoletiy* [Image of the Nature and Content of the History of the Last Three Centuries]. 2nd ed. St. Petersburg: Tipografiya N. Grecha.
31. Brokgauz, F.A. & Efron, I.A. (1892) *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. 15. St. Petersburg: Semenovskaya Tipolitografiya (I.A. Efrona).
32. Heeren, A.H.L. (1803) *Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der alten Welt*. Göttingen: [s.n.].
33. Gogol, N.V. (1952) *Polnoe sobranie sochineniy*. [Complete Works]. Vol. 10. Moscow: USSR AS.
34. Kaydanov, I.K. (1823) *Rukovodstvo k poznaniyu Vseobshchey politicheskoy istorii* [A Guide to the Learning of General Political History]. Vol. 1. St. Petersburg: Tipografiya N. Grecha.
35. Fedorova, N.G. (2012) "Vospitanie istoriei" po gimnazicheskim uchebnikam v pervoy polovine XIX veka ["Education by history" According to Gymnasium Textbooks in the First Half of the 19th Century]. In: Dmitriev, A.N. (ed.) *Istoricheskaya kul'tura imperatorskoy Rossii. Formirovaniye predstavleniy o proshlom* [Historical Culture of Imperial Russia. Formation of Ideas about the Past.]. Moscow: Higher School of Economics. pp. 74–91.
36. *Moskovskiy telegraf*. (1826) *Istoriya powszechna krotko zebrana przez Iana Kaydanowa*. 14. pp. 246–254.
37. Pogodin, M.P. (1827) *Rukovodstvo k poznaniyu Vseobshchey politicheskoy istorii*. Soch. Kaydanova. 3-e izd., ispr. i dop. SPb, 1826 i 1827 [A Guide to the Learning of General Political History. A Work by Kaydanov. The Third Edition, Revised and Enlarged. St. Petersburg, 1826 and 1827]. *Moskovskiy vestnik*. 21. pp. 49–71.
38. Vetoshnikov, A. (1833) *Istoriya drevnikh aziatskikh i afrikanskikh tsarstv* [History of Ancient Asian and African Tsardoms]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
39. Smaragdov, S.N. (1833) *Istoriya drevnikh aziatskikh i afrikanskikh tsarstv, sostavlennaya Aleksandrom Vetoshnikovym*. SPb, 1833 [History of Ancient Asian and African Tsardoms by Aleksandr Vetoshnikov. St. Petersburg, 1833]. *Pedagogicheskiy zhurnal*. 5. pp. 63–91.
40. Androsov, V.P. (1831) *Sokrashchenie Vseobshchey istorii, izdannoe dlya vospitannikov Moskovskogo uchilishcha ordena Sv. Ekateriny*. [Soch.]. A Preobrazhenskogo. M., 1831 [Reduction of the General History Published for the Students of the Moscow Academy of the Order of St. Catherine. A Work by A. Preobrazhenskiy. Moscow, 1831]. *Teleskop*. 8. pp. 532–539.
41. Preobrazhenskiy, A. (1831) *Sokrashchenie Vseobshchey istorii, izdannoy dlya vospitannits moskovskogo uchilishcha ordena sv. Ekateriny* [Reduction of the General History Published for the Students of the Moscow Academy of the Order of St. Catherine]. Vol 1. Moscow: Universitetskaya tipografiya.
42. Kirov, N. (1834) *Kratkaya Vseobshchaya istoriya ot potopa do nashikh vremen, izlozhennaya po novomu planu* [A Brief General History from the Flood to Our Times, Set Out According to a New Plan]. Moscow: Tipografiya Lazarevskogo instituta vostochnykh yazykov.
43. Venelin, Yu. (1834) *Kratkaya Vseobshchaya istoriya ot potopa do nashikh vremen, izlozhennaya po novomu planu N. Kirovym*. Ch. I. M., 1834 [A Brief General History from the Flood to Our Times, Set Out According to a New Plan by N. Kirov. Part 1. Moscow, 1834]. *Teleskop*. 21. pp. 316–322.
44. Smaragdov, S.N. (1834) *Kratkaya Vseobshchaya istoriya ot potopa do nashikh vremen, izlozhennaya po novomu planu*. [Soch.]. N. Kirova. M., 1834 [A Brief General History from the Flood to Our Times, Set Out According to a New Plan. [A Work by]. N. Kirov. Moscow, 1834]. *Pedagogicheskiy zhurnal*. 7. pp. 200–210.
45. Kaydanov, I. (1839) *Uchebnaya kniga Vseobshchey istorii dlya yunoshestva* [Textbook on World History for Youth]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
46. - on" – inskiy [Belinskiy, V.G.]. (1835) *Uchebnaya kniga Vseobshchey istorii*. SPb, 1834 [A Textbook on World History. St. Petersburg, 1834]. *Molva*. 19. pp. 310–316.
47. Esin, B.I. (2013) *Istoriya russkoy zhurnalistiki XVIII–XIX vekov* [History of Russian Journalism of the 18th – 19th Centuries]. Moscow: [s.n.].
48. Rudnitskaya, E.L. (1999) *Poisk puti. Russkaya mysl' posle 14 dekabrya 1825 goda* [Search for the Way. Russian Thought after 14 December 1825]. Moscow: Editorial URSS.

Received: 03 May 2019